

1

В некоем царстве жил царь Картаус, и были у него, Картауса-царя, двенадцать богатырей, а над теми богатырями был у того царя Картауса дядюшка князь Лазарь Лазаревич со своею княгинею Епистимиею. И жил тот князь Лазарь семьдесят лет, а детища не было ни единого; и начали они со слезами Богу молиться, чтоб даровал им Бог детища: смолоду на потеху, а по смерти на помин души. И услышал Бог молитву их, и зачала княгиня Епистимия во утробе своей, и когда приблизилось время рождению, родила она сына, и князь Лазарь Лазаревич нарек имя ему Еруслан. Лицом он был румян, власы имел русые, очи светлые. И князь Лазарь Лазаревич и княгиня Епистимия радостны были весьма и сотворили славный пир.

2

Когда же Еруслан Лазаревич достиг до пятнадцати лет и начал ходить на царский двор с княжескими и боярскими детьми шутики шутить, тогда про его князья и бояра начали совет советовать и, пришедши к царю Картаусу, рекли таково слово: «Государь наш, царь Картаус! Учини свою милость царскую. Есть у тебя дядюшка, князь Лазарь Лазаревич, у него есть сын Еруслан Лазаревич, ходит к тебе на царской двор и шутит шутики с нашими детьми и боярскими, но не хороши те шутики: кого ухватит за голову — у того голова прочь, кого ухватит за руку — у того рука прочь; и мы, государь, много от того кручинимся. Учини, государь, свою милость царскую и либо Еруслана вышли из царства вон, либо нам волю дай, а жить нам не можно от Еруслана». И тот царь Картаус послал скоро по дядюшку своего, по князя Лазаря Лазаревича, и велел к себе скоро быть. Тогда князь Лазарь приехал к царю Картаусу, царь Картаус встречает среди двора своего; а князь Лазарь Лазаревич, не доезжаячи, слазит с своего доброго коня и царю Картаусу бьет челом о сыру землю: «Многодетно, царь государь, здравствуй! Как тебя, государя, Бог милует? Зачем ты, государь, велед мне быть к себе скоро?» Ответствует ему царь Картус: «Государь мой дядюшка, князь Лазарь Лазаревич! Послал я к тебе и велел скоро быть затем, что приходили ко мне князья и бояра и сильные богатыри, на твоего сына Еруслана били челом, что ходит он ко мне на царской двор и шутит шутики над княжескими детьми и боярскими: кого ухватит за голову — у того голова прочь, кого ухватит за руку — у того рука прочь, и те мне шутики его не гораздо надобны, да и сын твой мне в царстве моем не надобен; ведь для того мне из царства людей не высылать стать».

3

Когда князь Лазарь Лазаревич услышал от царя слово кручинное, поехал от него не весел: повесил свою голову ниже плеч, и Еруслан Лазаревич встречает отца своего и бьет ему челом о сыру землю: «Многолетно, государь мой батюшка, здравствуй! Как тебя, государя, Бог милует? Что ты, государь, не весел едешь? Или от царя было слово кручинное?» Вещает ему отец его, князь Лазарь Лазаревич: «Дитетко мое милое, Еруслан Лазаревич, одно мне от царя было слово кручинное! Кажется, дети бывают отцу с молоду — на потеху, под старость — на перемену, а по смерти — на помин души; а ты, дитетко, с молоду — не на потеху, под старость — не на перемену, а по смерти — не на

помин души; ходишь к царю на двор и шутишь шутки худые с княжескими и боярскими детьми, а о том на тебя били челом царю Картаусу князья и бояра; и царь велел тебя выслать из царства вон».

4

Тут Еруслан Лазаревич, стоячи, усмехнулся и сказал: «Государь мой батюшка, то мне не кручина, что велено выслать меня из царства вон, одна у меня кручина, что минуло мне пятнадцать лет, и ходил я у тебя, батюшка, по стойлам и конюшням, не мог себе выбрать доброго коня, который бы мне мог вовеки служить».

Потом вошли в палату белокаменную, и начал Еруслан Лазаревич проситься у отца своего и у матери в чистое поле погулять и людей посмотреть, а себя показать. Отец его и мать отпускают его и дают ему двенадцать отроков, пятьдесят мудрых мастеров, чтоб близ моря построить белокаменную палату. И мастера, построив ту палату в три дня, послали гонца ко князю Лазарю Лазаревичу; и гонец, приехав, князю Лазарю Лазаревичу и княгине Епистимии доносит, что палата белокаменная сделана. Еруслан же Лазаревич начал паки проситься у своих родителей в чистое поле погулять и в белокаменной палате пребывать и почел просить благословения. Князь Лазарь Лазаревич и княгиня Епистимия горько плачут, что разлучаются с единокровным сыном своим, и дают ему родительское благословение.

5

Поехал наш Еруслан Лазаревич к морю в белокаменную палату свою и взял с собою коростовую клячу, и отец его и мать отпускают за ним многое множество золота и серебра, и камня драгоценного, и добрых коней, и избранных отроков. Еруслан же Лазаревич не берет с собою ни единого отрока, ни коней, ни отцовой казны ни единого пенязя, только берет себе седельцо черкасское, да уздицу тесмянную, да войлочек косящетою, да плетку ременную, а то все отпустил ко отцу своему.

6

И приехал Еруслан Лазаревич к синему морю к белокаменной палате своей и, вошед в палату, послал под себя войлочек косящетою, а в головы положил седельцо черкасское да уздицу тесмянную, и лег опочивать, и поутру, встав рано, стал ходить по тихим заводям и по губам морским и набил гусей и лебедей и серых утиц, и тем он кормился. И тако ходил Еруслан Лазаревич месяц, другой и третий и нашел на дороге, которая в ширину пробита — как доброму стрельцу перестрелить, а в глубину — как доброму коню по щетку, и, глядя Еруслан Лазаревич на ту дорогу, сказал сам в себе: «Кто по сей дороге ездит: рать какая или богатырь?» Но скоро явилось, что по ней ездит стар человек, конь под ним сив Алотягилей. Сей стар человек, не доезжая до Еруслана

Лазаревича, слезит с своего доброго коня, бьет челом о сыру землю: «Многолетно здравствуй, государь Еруслан Лазаревич! Как тебя, государя моего, Бог милует? Зачем ты, государь мой, на сем месте в такой пустыне? Кои тебя буйные ветры занесли?» Как вопрошает Еруслан Лазаревич: «Брат старик, как тебя по имени зовут?» Отвечает стар человек: «Государь Еруслан Лазаревич! Меня зовут по имени Ивашко, а сивого коня моего Алотягилей; я гораздый стрелец, сильный борец, в полку богатырь». Как говорит Еруслан Лазаревич: «Почему ты меня знаешь и по имени называешь?» На то отвечает ему Ивашко: «Государь Еруслан Лазаревич! Как мне тебя не знать! Я старый слуга отца твоего, а стерегу в поле лошадей тридцать три года да езжу ко отцу твоему единожды в год, жалованье беру, и я, государь, потому тебя знаю». Еруслан же Лазаревич отвечает: «А я здесь езжу своею охотою; похотел я в чистом поле погулять, горести не принять, сладости не видать и жалованья не получать; я ж теперь робенок молодой, начал с неразумия у царя на дворе гулять и играть с княжескими детьми и боярскими: кого ухвачу за голову — у того голова прочь, кого ухвачу за руку — у того рука прочь. Царь того не возлюбил и велел меня выслать из царства вон, и та мне кручина не в кручину; одна мне кручина великая, что мне минуло пятнадцать лет, ходил я у отца своего по стойлам и конюшням, а не мог себе выбрать доброго коня, кой бы мне мог вовеки служить».

Как сказал ему Ивашко: «Государь мой Еруслан Лазаревич! Есть у меня, государь, конь в стаде подлаз; надобно сего коня поймать, так он тебе будет вовеки служить; и буде его ты не поймашь, то тебе его вовеки не поймать». Как говорит Еруслан Лазаревич: «О как бы, брат Ивашко, мне того коня видеть?» На то сказал ему Ивашко: «Государь Еруслан Лазаревич! Увидишь ты того коня поутру рано, когда я погоню коней поить к морю; и ты, государь, его увидишь, и буде его тут не поймашь, то тебе вовеки его не поймать и не видать».

7

Тогда пошел Еруслан Лазаревич в палату белокаменную и послал под себя войлочек косящетою, а в головы положил седельцо черкасское да уздицу тесменную и лег опочивать. И поутру, встав рано, пошел в поле, взял с собою уздицу тесменную да седельцо черкасское и плетку шелковую и стал в скрытом месте под дубом. Скоро потом увидел, что Ивашко гонит лошадей к морю поить, и, посмотрев на море, приметил, что жеребец воду пьет, а на море волны восстают, а над дубом орлы скрежут, а на горах львы свищут, и на том месте не может никакой человек стоять. И тут Еруслан Лазаревич удивился, и как поровнялся жеребец против его, то он выскочил из-под дуба и ударил коня наотмашь рукою, и конь пал на колени, а он ухватил его за гриву сивую, а сам взговорил таково слово: «О несытый кляча добрый конь! Кому на тебе ездить, что не нам, богатырям», — и надел на него уздицу тесменную да седельцо черкасское, и поехал к палате белокаменной. А Ивашко поехал за ним.

8

И Еруслан Лазаревич начал на коне разъезжать и рад был безмерно, что ему Бог дал доброго коня, который может вовеки служить; потом сказал Ивашке: «Брат Ивашко, как сему коню имя дать?» Он же отвечает: «Государь Еруслан Лазаревич! Может ли холоп прежде господина своего такову коню имя дать? Как ты сам изволишь, так его и назови». И называет его Еруслан Лазаревич Орош Вещий конь; а потом сказал Ивашке: «Поезжай ты, брат, к батюшке моему, князю Лазарю Лазаревичу, и к матушке моей, княгине Епистимии, и отправь ты от меня здравие, и скажи, что я добыл себе доброго коня, который может мне вовеки служить». Потом поехал Еруслан Лазаревич в чистое поле погулять — к Ивану Русскому богатырю на своем добром коне ступою бредучею, и Ивашко — во всю пору лошадиную; и Еруслан Лазаревич у Ивашки из очей уехал, а Ивашко воротился назад и поехал к царству Картаусову, ко отцу Ерусланову, князю Лазарю Лазаревичу и к матери его, княгине Епистимии. И, приехав туда, сказал Ерусланово здравие и куда он поехал, и как себе доброго коня добыл, который может ему вовеки служить. Отец его и мать о сыне своем Еруслане возрадовались радостью неизреченною; а Ивашку честно одарили и отпустили его в чистое поле на дело свое.

9

Еруслан же Лазаревич ехал месяц, другой и третий и наехал в поле на рать-силу великую, но побитую, где много трупы человеческого было, и крикнул громким голосом: «Есть ли в сей рати жив человек?» И восстал с побоища жив человек, и говорит: «Государь Еруслан Лазаревич, кого ты спрашиваешь и кто тебе надобен?» Еруслан же Лазаревич говорит: «Жив человек мне надобен». Потом вопрошал: «Это рать-сила лежит битая, и кто ее побивал?» Жив человек отвечал: «Государь Еруслан Лазаревич, рать-сила лежит Феодула царя Змия; а побивал ее князь, славной и сильной Иван Русской богатырь, который доступает у него дочери, прекрасной царевны Кандоулы Феодуловны, и хочет ее за себя неволею взять».

Еруслан же Лазаревич говорит: «Далече ли мне сыскать князя сего, Ивана Русского богатыря?» Отвечает ему жив человек: «Государь Еруслан Лазаревич, далече тебе его догнать, объедешь рать-силу великую кругом и увидишь тут след князя Ивана Русского богатыря». Еруслан Лазаревич объехал рать-силу великую и, нашед коневой скокот, где скакано с горы на гору и выметано вон доли и подолы, начал тем путем скакать с горы на гору, выметывая доли вон, и наехал на другую рать-силу побитую, и въехал в побоище, и крикнул громким гласом: «Есть ли в сей рати жив человек?» И восстал из побоища один жив человек и сказал ему таково слово: «Государь Еруслан Лазаревич, конь коня лучше, а молодец молодца и давно удалее».

10

Тогда поехал Еруслан Лазаревич прочь, и ехал месяц, другой и третий, и наехал в поле на бел шатер, а у белого шатра стоит добрый конь, стреножен на белой полсти, зоблет белу ярую пшеницу. И Еруслан Лазаревич слез с своего доброго коня и припустил его к тому ж корму, и Ерусланов конь отбил того коня прочь от корму, а Еруслан пошел в бел шатер, где почивал доброй молодец крепко. И Еруслан вынул саблю острую, хотел было его злой смерти предать, но сам в себе подумав: «Не честь мне, доброму молодцу, не хвала то будет, что сонного человека убью: сонной, как мертвой», — лег потом в шатре на другой стороне, подле князя Ивана Русского богатыря. А сей князь Иван Русской богатырь, пробудясь, вышел из шатра вон посмотреть на своего доброго коня и увидел, что он уже далече прочь отбит и щиплет в поле траву, а у белой полсти стоит чужой конь и незнаемо чей, и зоблет белу ярую пшеницу. И, вшед в шатер, узрел, что тут спит удалой доброй молодец замертво, и князь Иван Русской богатырь возъярился на него, и вынимает саблю острую, и хочет его злой смерти предать, но сам, подумав: «Не честь мне, молодцу, не хвала то будет, что сонного человека убью: сонной, как мертвой», — начал его будить: «Встань, человек, не для моего буждения, а ради своего спасения. Ведаешь ты, что не по себе товарища ты задираешь, за то люди много крови проливают. Зачем ты к чужому корму свою лошадь припускаешь, а сам в чужом шатре необсылаючи¹ ходишь и не спросясь спишь — за то напрасною смертью умрешь».

11

И пробудился Еруслан Лазаревич, а князь Иван Русской богатырь стал спрашивать о имени его и откуда он едет, из какого царства и какого отца сын и матери. «Я, — сказал ему Еруслан Лазаревич, — из Картаусова царства есмь сын отца князя Лазаря Лазаревича и матери княгини Епистимии, а меня зовут Ерусланом, дорога же своего коня к твоему припускаю, а твоего коня прочь отбиваю. Ты, князь Иван Русской богатырь, говоришь мне не гораздо хорошо: добрые люди прежде всякого дела худыми речью не похваляются, но пьют, едят, прохлаждаются и в чистом поле потешаются. Коли есть у тебя чара, которою воду черпают, то почерпни воды и подай мне, понеже я у тебя гость». Князь же Иван Русской богатырь говорит: «Тебе воду черпать и мне подавать, ты дитя еще молодое». Еруслан Лазаревич отвечает: «Тебе воду черпать надлежит и мне подавать, ты, не поймавши, птицу теребишь и, не отведав, доброго молодца хулишь, а над собою ничего не ведаешь». И говорит князь Иван Русской богатырь: «Я во князьях князь и в богатырях богатырь, а ты казак, тебе и воду черпать и мне подавать». Как возразил Еруслан Лазаревич: «Я во царях царь, во князьях князь и в богатырях богатырь; а ты — когда в шатре, тогда ты князь, а когда в чистом поле, тогда ты пес, а не богатырь, тебе воду черпать и мне подавать».

12

И видит князь Иван Русской богатырь свою неминуемую беду, берет златую чару, и черпает студеную воду, и Еруслану подает. Потом сели на свои добрые кони и поехали в чистое поле тешиться, и скакал князь Иван Русской богатырь во всю пору лошадиную, а Еруслан Лазаревич ступою бредучею, и ударил своего доброго коня по крутым бедрам, и

конь Орош Вещий догнал и выпередил князя Ивана Русского богатыря. И возмолился Еруслан Лазаревич Богу: «Боже милостивый! Не дай мне всякого человека убить копием острым концом, но убить тупым концом». И ударил еще Еруслан Лазаревич своего доброго коня по крутым бедрам и, разъехавшись, ударил князя Ивана Русского богатыря копием против его сердца ретивого и вышиб его вон из седла на землю, а конь наступил на доспешное его ожерелье и притиснул его к земле. И оборачивает Еруслан Лазаревич свое копьё острым концом, и речет таково слово: «Князь Иван Русской богатырь, смерти ли хочешь или живота?» — «Прежде сего у нас брани не было», — сказал князь Иван Русской богатырь и возмолился: «Государь Еруслан Лазаревич! Будь мне вместо отца, не предай смерти, но дай живот». Еруслан Лазаревич слезит с своего доброго коня, и поднимает князя Ивана Русского богатыря за правую руку, и целует его во уста, и прижимает его к сердцу ретивому, и называет его милым братом своим. И сели на свои добрые кони, и поехали к белому шатру, и припустили своих добрых коней к одному корму, а сами вошли в бел шатер и начали пить, есть и веселиться. И как стал Еруслан Лазаревич навеселе, сказал брату своему: «Государь мой, братец князь Иван Русской богатырь, ездил я по чисту полю и наехал я на две рати побитые; скажи, пожалуй, кто их побивал?» — «Как! — отвечал князь Иван Русской богатырь. — Государь мой, братец Еруслан Лазаревич! Та рать-сила лежит Феодула царя Змия, а побивал я, достигал у него дочери его прекрасной — царевны Кандоулы Феодуловны и хочу ее за себя неволею взять, а сказывают, что такой прекрасной и на свете нет, и завтра у меня с ним последнее побоище будет, и ты, Еруслан Лазаревич, посмотри моей храбрости». Потом легли оба спать, а поутру встали рано.

13

Князь Иван Русской богатырь оседлал себе своего доброго коня и поехал в царство Феодула царя Змия, а Еруслан Лазаревич пошел пешком за ним и стал в закрытом месте под дубом смотреть. Когда князь Иван Русской богатырь крикнул громким голосом, а царь Феодул Змий повелел в рог трубить, и собралось к нему войска людей храбрых сто тысяч, а всего войска с ним было триста тысяч. Царь Феодул Змий выехал против князя Ивана Русского богатыря в рыцарском платье, а впереди и за царем шло людей толико, что и сметы нет, и князь Иван Русской богатырь, взяв щит в руку и копие, сказал: «Не ясен сокол напускает на гусей и лебедей и на серые утицы, но напускает князь Иван Русской богатырь на рать-силу великую, которой сколько бьет, вдвое против того конем топчет». Потом войско все перерубил, и перетоптал, и пересек мечом своим, только оставил старых да малых, что некому противиться противу его. И взял Феодула царя Змия жива и предал его злой смерти, а сам поехал в царство и взял прекрасную царевну Кандоулу Феодуловну, и, принимая ее за чистые руки, и хватая за белые груди, и целуя ее в уста сахарные, повел ее к белому шатру. Еруслан Лазаревич туда же пришел, и начали пить, есть и веселиться, и князь Иван Русской богатырь велел ей постелю изготовить, и лег с прекрасною царевною Кандоулою Феодуловною на постелю спать, и начал ее лелеять, и целовать, и за белые груди хватать.

А Еруслан Лазаревич вышел вон из шатра, и князь Иван Русской богатырь говорит ей: «Милая моя, прелюбезнейшая и всего света прекраснейшая царевна Кандоула Феодуловна, есть ли на свете тебя краше, а моего брата Еруслана Лазаревича храбрее? Скажи мне, прекрасная Кандоула, ведь я для твоей красоты убил отца твоего и войско его побил». — «Как! — вещала ему царевна Кандоула Феодуловна. — Государь, князь Иван Русской богатырь, отец мой умерщвлен, и войско его побито, и пролита кровь неповинная не за красоту мою, но за грехи наши, а я, государь, что за красна? Есть в чистом поле бел шатер, и в том шатре сидят три прекрасные девицы, дочери Бугригора-царя, а по имени их зовут: большую Продорою, среднюю Тивубригою, а меньшую сестру Легию, и те, государь, краше меня вдесятеро, а я что за красна, и которые перед ними стоят день и ночь — и те меня краше, а я что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и у матери, тогда я была красна и хороша, а ныне мое тело полоняное. Еще, государь, под Индийским царством стоит на дороге богатырь у царя Далмата, а зовут его по имени Ивашко Белая Епанча, Срачинская Шапка, а слыхала я от отца своего, что он стережет Индийское царство тридцать три года, и мимо его никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а я, государь, того не ведаю, который из них храбрее и сильнее; я храбрости Еруслановой не видала и ни от кого не слыхала».

14

Еруслан же Лазаревич все сии речи слышал, и богатырское его сердце неутерпчиво, входит он в бел шатер, образу Божию молится и брату своему князю Ивану Русскому богатырю и царевне Кандоуле Феодуловне низко кланяется. И князь Иван Русской богатырь и царевна Кандоула Феодуловна провожают его за бел шатер, и Еруслан Лазаревич простился и поцеловался в последние с князем Иваном Русским богатырем и с прекрасною царевною Кандоулою Феодуловною, а сам, оседлав своего доброго коня, сел на него и поехал в чистое поле гулять к Индийскому царству, царю Далмату поклониться и свидеться с Ивашкою Белою Епанчею, Срачинскою Шапкою.

15

Едет Еруслан Лазаревич долгое время и, быв в недоумении, подумал сам в себе: «Поехал я в дальнюю землю на дело ратное и смертное, а с отцом своим и матерью не простился». И поворотился назад, поехал к отцу своему и доехал до царства Картаусова, у пределов коего увидел князя Данила Белого с тремястами тысяч войска, и [который] похвалялся покорить себе все царство Картаусово, а самого его, и князя Лазаря Лазаревича, и двенадцать богатырей живых в полон взять и в свою землю отвезть. И тут Еруслану Лазаревичу нечего было делать: не было у него щита крепкого, и меча острого, и копья долгомерного. И так поехал он ко граду, и увидели его градские жители, и узнали, что едет Еруслан Лазаревич, отворили ему врата градские; и как въехал он во град, увидел, что в больших головах отец его князь Лазарь Лазаревич уряжает полки. Еруслан Лазаревич, недоезжаячи, слазит с своего доброго коня и бьет челом о сыру землю: «Многолетно, государь мой батюшка, здравствуй! Как тебя, государя моего, Бог милует? Что ты, государь, едешь кручинен?» Как говорит ему отец его, князь Лазарь Лазаревич: «Дитетко мое милое, Еруслан Лазаревич, откуда ты как

солнце воссияло и меня огрело? О сын мой любезный! Как мне не кручинну быть: пришед под наше царство князь Данило Белой, а войска с ним триста тысяч, хвалится наше царство себе покорить, а царя Картауса, и меня, и двенадцать богатырей хочет в полон взять и в свою землю отвезть».

И говорит ему Еруслан Лазаревич: «Государь мой батюшка, князь Лазарь Лазаревич, дай мне свой крепкий щит да копье долгомерное — я пойду с неприятелем биться». Ответствует ему отец его князь Лазарь Лазаревич: «Дитетко мое милое, хочешь ты против неприятелей своих биться, и услышишь ты татарской крик, испужаешься, и они тебя убьют, а ты дитя молодое, не бывал у дела ратного и не слышал ты визгу татарского». Говорит ему Еруслан Лазаревич: «Не учи, государь батюшка, гоголя по воде плавать, а богатырского сына с татары битися, только ты мне пожалуй крепкой щит да копье долгомерное, я начну с татары битися». И дал ему князь Лазарь крепкий щит и копье долгомерное, а сам выговорил таково слово: «Поди, сын мой любезный Еруслан Лазаревич, на рать-силу великую, вот тебе от меня мир и благословение». Еруслан Лазаревич берет щит в руку, а копье в другую, садится на своего доброго коня и выезжает из града вон.

16

Не ясен сокол напускает на гусей и лебедей, напускает Еруслан Лазаревич на рать-силу великую князя Данилы Белого; и стал побивать рать-силу великую, и сколько бьет — вдвое того конем топчет, и всю силу побил, пересек и конем перетоптал, а самого князя Данилу Белого живого в полон взял и брал с него запись и великую клятву, чтоб ему под царство царя Картауса не приезжать, ни детям его, ни внучатам, а как опять приедет, и Бог его в руки предаст, то тогда ему живу не быть; и отпустил его в свою землю, а сам поехал во град, и царь Картаус встречает его во градских вратах. И Еруслан Лазаревич, не доезжаячи, слазит с своего доброго коня, бьет челом о сыру землю: «Многолетно здравствуй, государь царь Картаус со всем своим царством о Христе, как тебя, государя моего, Бог милует?» Отвечает ему царь Картаус: «Государь Еруслан Лазаревич, виноват я пред тобою, что велел тебя из царства своего выслать вон, а ныне живи ты у меня в царстве моем, бери себе города и пригородки и с красными селы; казна моя тебе не затворена, бери себе, что тебе угодно; место тебе против меня, другое подле меня, а третье — где тебе угодно». И говорит ему Еруслан Лазаревич: «Государь, царь Картаус, не повадился я у тебя в царстве жить, повадился я в чистом поле гулять и козаковать». И покушав хлеба и соли у царя Картауса, и у батюшки своего князя Лазаря Лазаревича, и у матушки своей княгини Епистимии, простился со всеми градскими жителями и поехал в чистое поле гулять.

17

И ехал он месяц времени, и наехал в чистом поле на бел шатер, в котором сидели три

девицы прекрасные, дочери царя Бугригора. Таковых прекрасных более на свете нет, делают ручное дело, и тут Еруслан Лазаревич входит в бел шатер необсылаючись, забыл образу Божию помолиться, сердце его разгорелось, юность его заиграла, и берет себе большую сестру, прекрасную царевну Продору, за руку, а тем сестрам велел из шатра вон выйти, а сам рек таково слово: «Милая моя, прекрасная Продора Бугригоровна, есть ли на сем свете тебя краше, а меня храбрее?» Отвечает ему Продора: «Государь Еруслан Лазаревич, что я за красна! Есть во граде Дерби у царя Вохрамея дочь, прекрасная царевна Анастасия, и нет на свете краше ее, которая и пред нею предстоящая день и ночь, и та меня краше вдесятеро, а я что за красна. Да есть, государь, под Индийским царством у царя Далмата богатырь, стоит на дороге в чистом поле, а зовут его Ивашко, прозванием Белая Епанча, Срачинская Шапка, а слыхала я от отца своего, что он силен и стережет Индийское царство тридцать три года, и мимо его царства никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а ты что за храбр, обычная твоя храбрость, что ты нас, девок, разгонял».

Тут встал Еруслан Лазаревич и того не возлюбил, изогнул голову царевны и отсек ее мечом, и под кровать подкинул; потом взял себе другую царевну, Тивубрику, начав ее любить, и целовать, и за белые груди хватать, и говорит ей: «Милая моя, прекрасная царевна Тивубрика, есть ли на сем свете тебя краше, а меня храбрее?» И она ему так же, что и большая, отвечала, почему он и той голову отсек и под кровать бросил. Потом взял третью сестру, царевну Легию, и стал ее любить и целовать паче первых, и говорит ей таково слово: «Прелюбезнейшая моя и всего света прекраснейшая царевна Легия Бугригоровна, есть ли на свете тебя прекраснее, а меня храбрее?» Отвечает ему царевна Легия: «Государь Еруслан Лазаревич, что я за красна и хороша; когда была у отца своего и у матери, тогда я была красна и хороша, а ныне тело мое полоняное, воля твоя надо мною, младою, но что ты, государь, красоты моей захотел? Есть в Дерби граде в Вохрамееве царстве у царя Вохрамея дочь — прекрасная царевна Анастасия, и такой прекрасной на свете более нет, и она меня вдесятеро краше. Да есть под Индийским царством богатырь на дороге у царя Далмата, а зовут его Ивашко, по прозванью Белая Епанча, Срачинская Шапка, и слыхала я от отца своего, что он силен и стережет Индийское царство уже тридцать три года, и мимо его никакой человек не проезживал, ни птица не пролетывала, и никакой богатырь не мог мимо его проехать, и я, государь, того не ведаю, который из вас сильнее и храбрее». Еруслан Лазаревич говорил ей: «Преобразная и любезная царевна Легия Бугригоровна, утешила ты своими умильными словами меня и сердце мое богатырское». Потом пошел он из ее шатра вон, а царевна Легия молвила ему: «Государь Еруслан Лазаревич, что ты пошел из шатра, Богу не помолясь, или я тебе в чем нагубила?» Еруслану то слово полюбилось, и, вшед в бел шатер, образу Божию молится и с царевною прощается, а сам сказал таково слово: «Прости, моя любезная царевна Легия Бугригоровна, живи в чистом поле, не бойся никого: ни царей, ни князей, никто тебя не обидит, слыша мою храбрость. Сестер своих похорони и поминай, а меня к себе жди». Потом сел на своего доброго коня и поехал к

Индийскому царству поклониться царю Далмату да свидеться с Ивашкою Белою Епанчею, Срачинскою Шапкою.

18

И ехал он месяц, другой и третий, и не доехал до Индийского царства поприщ за пять, где в чистом поле на дороге стоял человек по имени Ивашко, подпершись копьем, шапка на нем срачинская, а епанча белая. Еруслан, наехав на него, ударил его плетью по шапке и сказал ему: «Можно тебе и лежа выспаться, а не стоя». Отвечает ему Ивашко: «Кто ты таков и как тебя по имени зовут? Откуда ты едешь и какова отца и матери сын?» Говорит ему Еруслан Лазаревич: «Я езжу от Картаусова царства, отца есмь сын князя Лазаря Лазаревича и матери княгини Епистимии, а меня зовут Ерусланом; я еду к Индийскому царству к царю Далмату доклониться». Ивашко же Белая Епанча сказал: «Еруслан Лазаревич, прежде тебя мимо меня в царство никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а ты мимо меня хочешь проехать. Прежде поедем в чистое поле и отведаем могучих плеч своих богатырских». И потом скоро сели на своих добрых коней и поехали в чистое поле, и, разъехавши, Еруслан Лазаревич ударил Ивашку копьем против ретивого сердца и вышиб его из седла вон, и упал Ивашко на землю, как овсяной сноп, а конь Орош Вещий наступил ему на горло и притиснул его к земле.

Еруслан же Лазаревич, оборотив копьё острым концом, сказал: «Брат Ивашко, смерти ли хочешь или живота?» И возмолился Ивашко: «Государь Еруслан Лазаревич! Не дай смерти, а дай живот; прежде сего у нас с тобою брани не было, да и впредь не будет». И отвечает Еруслан Лазаревич: «Не убил бы я, да за то убью, что знают тебя многие девицы в чистом поле и по многим царствам». И оборотил копьё, и предал скорой смерти, а сам поехал в Индийское царство к царю Далмату.

19

И въехал во град, стал у некоего посадника, а сам пошел на царской двор к царю Далмату поклониться, и, вшед в палату белокаменную, царю Далмату поклоняется: «Многолетно, царь Далмат, здравствуй, на многие лета со своею Индиєю и со князи и бояры, а меня, государь, пожалуй, прими, холопа, в службу». И возговорит ему царь Далмат: «Откуда еси человек и как ты зовут, и какого отца и матери?» Отвечает ему Еруслан Лазаревич: «Я от Картаусова царства, сын князя Лазаря Лазаревича и матери княгини Епистимии, а зовут меня Ерусланом». Царь же Далмат вещает: «Еруслан Лазаревич, каким путем ехал, сухим или водою?» Отвечает Еруслан Лазаревич: «Ехал я сухим путем». И говорит царь Далмат: «Есть у меня человек, стоит в чистом поле на дороге, стережет он у меня мое царство уже тридцать три года, и мимо его в царство мое никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а ты как мимо его проехал?» Отвечает Еруслан

Лазаревич: «Я, государь, того человека убил, но не знал, что он твой». Тут его царь устрасился: «Коли-де он у меня такого человека убил, то он и царством моим завладеет, не для того он приехал, чтоб в царстве моем служить, а для того, чтоб царством моим завладеть». И потом царь стал весьма печален и велел Еруслана чтить честью великою и поить своим питием царским. И узнав Еруслан Лазаревич, что его царь устрасился, начал седлать доброго коня и, вшед в палату белокаменную, царю Далмату поклоняется, и поехал из града вон, и царь Далмат возрадовался радостию великою, что Бог избавил от Еруслана без беды воинской, и велел ворота градские затворить накрепко, чтоб Еруслан опять в царство не въехал и не попленил бы царство.

20

И так едет Еруслан Лазаревич ко граду Дерби к Вохрамееву царству, хочет видеть красоту прекрасной царевны Анастасии, о которой он слышал от многих девиц. И едет он месяц, другой и третий, и начал в себе думать: «Поехал я в дальнюю сторону; а когда мне случится понять за себя прекрасную девицу или мне случится смерть, и у отца моего и матери благословения не принял». И для того поехал к Картаусову царству и, ехав несколько времени, приехал к тому царству, которое уже было попленено, и огнем выжжено, и мохом заросшее, только стояла одна хижина, в которой жил стар человек об едином глазе. И вшед Еруслан Лазаревич в хижину, старому человеку поклоняется и ему говорит: «Брат стар человек, где царство сие девалось?» Отвечает ему стар человек: «Человече, государь храбрый витязь! Откуда ты пришел, и из какого царства, и которого отца и матери сын, и как тебя по имени зовут?» Еруслан же Лазаревич речет: «Или ты меня не знаешь? Я здешнего царства уроженец, сын есмь отца князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Ерусланом». И тут стар человек пал на землю со слезами и произнес таковое слово: «Государь Еруслан Лазаревич!

После твоего отъезда минуло многое время, пришел князь Данила Белой, и с ним войска пятьсот тысяч, и царство сие попленил, и огнем пожег, ратных людей побил сто тысяч, храбрых витязей пятьсот, черни пять миллионов, а попов и чернецов на поле сжег двадцать тысяч, а младенцев об углы убил до миллиона, а царя Картауса и отца твоего живых в полон взял, а царицу, Картаусову супругу, и мать твою, княгиню Епистимию, злой смерти предал во своей земле; и я только один спасся, пролежал в трупу человеческом, и лежал девять дней от страха как мертвый». И Еруслан восплакался горько и рек от великой жалости: «Боже милостивый! На что царство сие попленено?» И преста от плача своего, образу Божию молится и, старому человеку поклоняясь, сел на своего доброго коня, и поехал к царству Данилы Белого, и въехал во град в полдни.

21

Никто его не видал, только видели малые ребята, которые по улице играли, и Еруслан начал их спрашивать: «Где сидит царь Картаус и в которой темнице, я бы ему

милостыню подал?» И они ему ту темницу указали. Еруслан Лазаревич приехал к темнице и увидел, что у оной темницы стоят стражи, и Еруслан тех стражей всех побил, и замки у темницы отбил, и двери отшиб, и, вшед в темницу, и увидел царя Картауса, отца своего, князя Лазаря Лазаревича, и двенадцать богатырей, у коих всех глаза выколоты, и, пав на землю со слезами, произнес таково слово: «Многолетно, государь царь Картаус, здравствуй, и батюшка мой, князь Лазарь Лазаревич, и двенадцать богатырей!» И отвечал царь Картаус: «Я глас твой слышу, а образа твоего не вижу. Откуда ты пришел, и кто тебе надобен, и какое тебе дело, и как тебя зовут по имени, и из какого царства, и которого отца и матери сын?» Еруслан ему сказал о себе и как туда зашел. Тогда сказал царь Картаус: «Поди, человек, от нас прочь, не глумися над нами, откуда ты пришел — туда и поди». Еруслан же Лазаревич говорит: «Государь, царь Картаус! Я подлинно Еруслан, а пришел к вам печаль вашу посетить». Говорит ему царь Картаус: «Не лги, человек, коли бы был вживе наш Еруслан Лазаревич, то бы мы в такой темнице не сидели и горькие беды не терпели; когда я был у себя в царстве, тогда я был царь, и не последний, князь Лазарь Лазаревич, и двенадцать богатырей, а ныне по грехом нашим я не царь, коли у нас у живых очи выняли, и мы сидим и рук своих не видим пред собою. А коли ты, человек, называешься Ерусланом, то поезжай за тихие воды, за теплые моря в Подольскую Орду в Щетин град, к Вольному царю, Огненному Щиту, Пламенному Копию; убей его, самого царя, и вынь из него желчь, и когда приедешь к нам, то помажь тою желчью очи наши, и мы свет узрим, и тебя увидим, и тебе веры пойдем; а теперь не имеем тебе веры для того, что мы тебя не видим».

22

Еруслан Лазаревич поклонился царю Картаусу, и отцу своему, и двенадцати богатырям и, вышед из темницы вон, сел на своего доброго коня и поехал из царства вон в чистое поле. И увидели его ребята на улице, сказали отцам своим, а отцы их сказали князю Даниле Белому: «Государь, князь Данила Белой! Был во граде нашем храбрый воин, конь под ним, как лев, собою млад и весь вооружен, и ехал от темницы, где сидит царь Картаус и князь Лазарь Лазаревич». Князь Данила Белой скоро послал доброго своего слугу, именем Мурзу, в темницу и велел у них спросить, кто был в темнице и что говорил. И пришел Мурза к темнице, и увидел, что отворена, а стражи побиты лежат, и, вшед Мурза в темницу, говорит: «Государь, царь Картаус, скажи кто у вас был в темнице? Велел тебя о сем спросить князь Данила Белой».

Отвечал ему царь Картаус: «Добрый человек, убойся Бога, почему мы знаем, кто у нас был в темнице: был человек и назывался Ерусланом, а мы его по голосу не знаем». И пошел Мурза к князю Даниле Белому, и сказал ему Картаусовы речи. Князь Данила Белой велел скоро в рог затрубить и в тимпаны бить, и собрались к нему мурзы и татарове до двухсот пятидесяти тысяч, и велел выбрать из них тридцать храбрых мурз, чтоб погоню сделали за Ерусланом, и его бы поймали, и пред него привели. Мурзы и татары погнались, и выехали в чистое поле, и увидели издалика Еруслана, что он спит

под дубом, а конь его стоит над ним. Увидел Ерусланов конь, что гонятся за ними мурзы и татары, учал ржать необычайно, и Еруслан оттого пробудился и, усмотря тех витязей, сел на своего доброго коня и поехал в чистое поле, а сам рек таково слово: «Братцы мурзы и татарове, не угнать вам ветра в чистом поле, так как и меня, доброго молодца, не видать». Еруслан из очей у них уехал за тихие воды, за теплые моря в Подольскую Орду к Щетину граду, к Вольному царю, Огненному Щиту, Пламенному Копию; а мурзы и татарове начали думать про себя, как им сказать князю, что его не поймали, и придумали сказать, что его не видали.

23

Еруслан же ехал полгода и, не доехав до Щетина града поприщ за пять, наехал на рать-силу битую, и в той рати лежала богатырская голова, как великой бугор. Еруслан объехал рать-силу побитую кругом, крикнул громким голосом: «Есть ли в сей рати жив человек?» И провещает ему богатырская голова: «Еруслан Лазаревич, кого ты спрашиваешь и кто тебе надобен?» Еруслан удивился! Возговорила же к нему паки богатырская голова: «Не чудися и скажи, далече ль ты едешь, и куда твой путь лежит, и какая тебе нужда здесь?» И говорит ему Еруслан: «А ты кто таков, и как тебя по имени зовут, и из какова царства житель, и которого отца и матери сын?» Отвечает ему богатырская голова: «Я богатырь был из Задонского царства, отца есмь сын царя Прохоза, а меня зовут Расланеем». И говорит ему Еруслан Лазаревич: «Чья эта рать-сила лежит побитая?» И отвечает ему Расланей-богатырь: «Сия рать-сила побита мною, а она Вольного царя Огненного Щита, Пламенного Копия. Приходил я под его царство еще году нет, а брань у меня с царем была за то, что он завладел городом отца моего, царя Прохоза. А ты, Еруслан Лазаревич, далече ль едешь?» И говорит Еруслан Лазаревич: «Я еду в Щетин град к Вольному царю, Огненному Щиту, Пламенному Копию; хочу его пред собою мертва видеть». Отвечала ему богатырская голова: «Не видать тебе его пред собою мертва, разве хочешь умереть. Я был богатырь силен, многие меня боялися: цари и богатыри восточные и западные, не токмо меня, но и взору моего. Я был от рождения матери моей величиною в полсажени, а толщиною в объем человеку, а как я достиг до десяти лет, то у меня в чистом поле никакой зверь не прорыскивал, ни богатырь не проезживал, ни доброй конь не уезживал, и никакой человек мимо не прохаживал, ни птица не пролетывала, и против меня никто стоять не мог. А ныне мне минуло десять лет, и ты сам видишь мой возраст, и тело мое, и голову: в длину тело мое десять сажен, промеж плеч две сажени, да между очей моих калена стрела вмещается, а голова моя, как пивной котел, руки у меня по три сажени, да и тут я не мог с ним биться и против его стоять. Царь силен, и при нем войска много, меч его не сечет, ни сабля его не берет, на огне не горит и в воде не тонет; да у меня и такой меч, который может его взять; но на меня грех такой пришел, и он меня скорее убил.

Только я тебе добра хочу и разуму поучу: приедешь ты, Еруслан Лазаревич, ко граду Щетину, и увидит тебя царь Огненной Щит, Пламенное Копие, и учнет он тебя, не

допускаючи до себя, жечь и палить огнем, и когда приедешь ты к нему, учнет он спрашивать о приезде, и ты ему говори, что хочешь ему служить, и он тебе велит ехать за собою, и ты за ним поезжай во град и послужи ему верою и правдою, и жди такой поры, как поедет царь на потеху в чистое поле гулять, а ты с ним же поезжай и ему о мне вспомяни, и он будет кручинен, и ты тогда ему скажи, что ты ему тот меч добудешь, а он тебе веры не поймет, и ты ему Бога порукою дай, и как приедешь ко мне, то я для тебя с меча сдвинуся и оный тебе отдам».

24

Тут Еруслан Лазаревич поклонился богатырской голове, и сел на своего коня, и поехал ко граду Щетину. И как стал он от града версты на три, увидел его царь, и выехал на поле, и начал Еруслана жечь и палить, не допуская до себя. Еруслан слез с своего доброго коня и замахал шапкою, тогда царь не стал его ни жечь, ни палить. Еруслан бьет челом о сыру землю: «Многолетно здравствуй, государь царь Вольной, Огненной Щит, Пламенное Копие; прими, государь, меня в службу к себе». Царь начал его спрашивать: «Кто ты таков, откуда едешь и какого отца и матери сын, и как тебя зовут по имени?» Отвечал ему Еруслан Лазаревич: «Я, государь, в поле козаковал, а ныне ищу ласкового государя, где мне послужить, красные порты износить, доброго своего коня изъездить и младость свою потешить; а родился я в Картаусовом царстве, сын есмь князя Лазаря Лазаревича и княгини Епистимии, а зовут меня Ерусланом». Тогда молвил ему царь: «Еруслан Лазаревич, поезжай ко мне во град, в царстве моем люди надобны». Тогда поехал Еруслан во град за царем; и, приехав туда, пожаловал царь его ниже своих двенадцати богатырей.

25

Еруслан служил многое время, и некогда поехал царь на поле тешиться и взял с собою князей и бояр, двенадцать богатырей и молодых витязей, тут же и Еруслана взял. И как были они близ богатырской головы, Еруслан остался и начал дивиться, и говорит ему царь: «Чего ради ты остался?» Еруслан сказал: «Государь, вели слуге слово молвить». Царь вещал: «Говори, что тебе надобно». Тогда Еруслан сказал: «Государь Вольный царь, гуляешь ты в чистом поле, и мы, слуги твои, с тобою, вижу я рать-силу сию побитую, и голова сия лежит, как великой бугор». Тогда царь, от печали воздохнув, сказал таково слово: «Еруслан Лазаревич, эта у меня голова богатырская на печенях лежит; под тою головою есть меч, и я того меча боюсь, и добивался его всякий человек, но не мог добиться, а меч тот остр несказанно, и опричь его никакой меч меня не сечет и не берет; я на огне не горю и в воде не тону, только одного того меча боюсь. Я того богатыря убил, почему мне и самому убиту быть». Тогда сказал Еруслан Лазаревич: «Государь, пожалуй, мне своему слуге повели, я достану тот меч и тебе принесу». И говорит ему Вольный царь: «Ежели ты мне сию службу сослужишь и меч тот добудешь, то я тебя пожалую паче всех ближних своих; но только ты похваляешься словом, а дела не сделаешь. Если так, то ты от меня нигде укрыться не можешь: ни в воде, ни под землею и ниже под камнем». И тут царь поехал во град, а Еруслан остался и подъехал к богатырской голове, и рек таково слово: «Государыня богатырская голова, надеюсь на твою милость и приятельскую любовь, что восхочешь ты из-под себя освободить меч

свой. Я пред царем своим словом похвалился, а царь обещал меня злой смерти предать, когда я ему меча не принесу». Богатырская голова ничего не отвечает.

Еруслан слез с своего доброго коня и пал на сыру землю со слезами, и говорит таково слово: «Государь Расланей-богатырь, не дай напрасно смерти умереть, освободи из-под себя меч». Расланей-богатырь сдвинулся с меча, и Еруслан, взяв его, поклонился богатырской голове и, сев на своего коня, поехал в Щетин град, а сам в себе подумал и начал говорить таково слово: «Доселева я царей устрашивал и богатырей побивал, а ныне богатырской голове кланяюсь со слезами». Услышал то Расланей, крикнул громким голосом: «Еруслан, воротись!» Он воротился и, узнав свою вину, пал на землю и сказал: «Государь Расланей-богатырь, виноват я пред тобою, что поспешил таким словом». И говорит богатырская голова: «Еруслан Лазаревич, ты с молодости ума поспешил таким словом, не всем ты завладел, что меч взял, ты можешь и с мечом голову потерять; но я тебе добра хочу и разуму тебя поучу: поедешь ты ко граду, и увидит тебя царь; он не усидит на царском своем месте, и покинет свой царской жезл от радости, и встретит тебя среди двора своего, и начнет тебя много дарить златом и серебром и камнем дорогим; тогда ты его ударь по голове единожды, а в другой раз не бей — он оживет и тебя убьет».

26

Еруслан поклонился богатырской голове и поехал во град, держа меч на плече своем, и лишь только что въехал в город, увидел царь, что Еруслан несет ему меч, не усидел на своем царском месте и, покинув свой царский жезл, выбежал ему навстречу, и встретил его посреди двора своего, и сказал ему: «Государь Еруслан Лазаревич, за сию службу даю тебе место против меня, другое подле меня, а третье — где тебе угодно; казна моя тебе не затворена, бери себе города и пригородки с красными селы, и половину тебе моего царства даю, а если изволишь жениться, то я отдам за тебя дочь свою царевну Назарию». Потом протянул царь руку и хотел взять меч, но Еруслан ударил его тем мечом по голове и рассек ее по язык его надвое, и царь умер. Возопили ему князи и бояры: «Еруслан Лазаревич, ударь его в другой раз». Еруслан им сказал: «Негораздо говорите, богатырская рука, однажды ударив, добро сделает». Тогда кинулись на Еруслана многие князи и бояры и двенадцать богатырей, хотя его поймать и скорой смерти предать. Еруслан же, взяв меч в руку, копие под плечо, а в другую руку царя, чтоб тело его богатыри не унесли, и, поворотясь кругом, побил князей и бояр и двенадцать богатырей. И говорят ему другие князи и бояра и все градские люди: «Государь Еруслан Лазаревич, смирился и перестань биться; буди воля Божия да твоя над нами: живи у нас в царстве и царством владей». Отвечал Еруслан Лазаревич: «Выбирайте промеж себя царя, а я вам не царь». Однако перестал биться и сечь людей и начал из царя желчь вынимать и в сумку класть; потом сел на своего доброго коня, поехал из города вон и приехал к богатырской голове, вынул из сумок желчь, и помазал богатырскую голову и туловище его, и приложил туловище к голове, и

Расланей-богатырь восстал, как от сна пробудился, и с Ерусланом поцеловался, и назвалися они названными братьями: Расланей большим, а Еруслан меньшим.

27

Тут Еруслан простился с Расланеем, и поехал каждый в свой путь. Расланей поехал в Задонское царство у отца своего благословение принять жениться на дочери Щетинского царя и царствовать в Щетине граде. А Еруслан поехал в царство Данилы Белого и, ехав полгодичное время, туда прибыл, и, въехав во град, приехал к темнице и нашел, что у оной многие стражи стоят. Он стражей темничных всех побил и двери отбил и, вшед в темницу, сказал: «Здравствуй, государь царь Картаус и батюшка князь Лазарь Лазаревич и двенадцать богатырей; как вас, государей моих, Бог милует?»

Отвечает царь Картаус: «Откуда ты, человече, и как тебя по имени зовут?» Отвечает на то Еруслан Лазаревич: «Государь царь Картаус, я родился в твоём царстве, сын есмь князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Ерусланом, а куда ты меня посылал — я тебе ту службу сослужил: сильного царя убил и желчь из него вынул». Царь же Картаус вещает: «Когда ты называешься Ерусланом, и сильного царя убил, и желчь из него вынул, то помажь нам тою желчию очи наши, и мы свет Божий узрим, и тебя увидим, и тебе веры поймем». Еруслан вынул из сумок своих желчь и помазал им всем очи, и они прозрели, и возрадовались радостью великою, и возговорили ему со слезами: «О Еруслан Лазаревич! Воистину еси ты». И начали его целовать любезно, и царь Картаус рек ему: «Еруслан Лазаревич, где ты по сие время был?» Отвечает он: «Пождите малое время, я обо всем скажу». Тут вышел он вон из темницы и сел на своего доброго коня, поехал из града вон и поутру, встав рано, крикнул громким гласом, и князь Данила Белой, услышав богатырской голос, велел в рог затрубить и в тимпаны бить. И собрались к нему мурзы и татары и всякие воинские люди на бой, и выехал князь Данила Белой из града вон со мною силою. Еруслан Лазаревич взял щит в руку, а копие под плечо, и сам произнес таково слово: «Не ясен сокол напускает на гусей и лебедей и на серые утицы, напускается Еруслан Лазаревич на рать-силу великую, и на князя Данилу Белого, и на мурзы и татары». И так немилостиво побил он и конем перетоптал мурз десять тысяч, а простых татар сто тысяч, а князя Данилу Белого в полон взял и привел во град, а малых младенцев десяти и пяти лет крестил в свою веру, их бо веру проклял, и супругу князя Данилы Белого предал злой смерти за то, что она велела убить мать его, княгиню Епистимию; князя ж Данилу Белого не убил за то, что он не убил царя Картауса и князя Лазаря Лазаревича, только князю Даниле Белому очи живому вынули и посадили в темницу под крепкую стражу. Тогда начали Еруслану бить челом градские люди, чтобы у них в царстве жил, а он, взяв царя Картауса, [его] на царство посадил, а князя Лазаря Лазаревича и двенадцать богатырей опять по-прежнему на княжество. Царь Картаус и отец его возрадовались радостью великою, и опять на царство сели, и начали пить, есть и веселиться; и как отошла трапеза, встал Еруслан из-за стола, образу Божию помолился и с отцом своим и царем Картаусом простился.

Все провожали его со слезами и умоляли, чтоб от них не отлучался, но он сел на своего доброго коня, поклонился им и поехал ко граду Дербию к Вохрамееву царству, желая видеть красоту прекрасной царевны Анастасии Вохрамеевны, и ехал полгодичное время. И доехал до града Дербия, где под царством стояло озеро широкое, и в том озере жило чудо великое: змий о трех главах, ежедневно выходивший на берег и много людей пожиравший, а царь Вохрамей ежедневно клич кликал: «Кто чудо убьет или из озера выведет, я дам ему много злата и сребра и в удел городов». Приехал Еруслан Лазаревич во град, и стал у некоего посадника у вдовы на подворье, и, услышав сей клич, сел на своего доброго коня, поехал к озеру; и увидев чудо Ерусланов приезд, выскочило на берег. Конь Ерусланов испужался и пал на колени, а Еруслан свалился с своего доброго коня на землю, и чудо, ухватя его, поволокло в озеро. Еруслан же только один меч-кладенец при себе имел, и сел чуде на спину, и ссек ему две головы, и хотел третью голову ссечь, как взмолилося чудо: «Государь Еруслан Лазаревич, не дай смерти, а дай живот; с сего часу никогда не выйду из озера и людей есть не стану, и буду жить в глубине озера и есть рыбу и болотину, и дам тебе великий дар — самоцветный камень, которой есть у меня во глубине озера». Еруслан Лазаревич сказал: «Дай мне тот камень, и я тебя за то отпущу».

И пошло чудо в озеро, а Еруслан на нем сидел и взял у него камень самоцветный, велел себя вынести на берег, и когда чудо его вынесло, то Еруслан третью голову снял, а сам сел на своего доброго коня и поехал к Дербию граду, где встретил его царь Вохрамей во вратах градских. Еруслан ему говорит: «Убил я твоего супостата и града губителя». А царь Вохрамей ему отвечает: «Ведаю, что не хочет Бог смерти грешникам, и восхотел нас спасти, и послал нам тебя, такого храброго витязя, и тобою погубил его. Но как тебя по имени зовут, какого ты отца и матери сын и откуда едешь?» Отвечает Еруслан: «Я еду из Картаусова царства, сын есмь князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Ерусланом, и намерен в чистом поле погулять». Царь обрадовался, услыша от него сии речи; и встречают его все люди градские, и поклоняется низко весь мир, молодые младенцы взыграли, а старые вострепетали, и была радость великая в том граде Дерби. Царь Вохрамей на радостях сотворил пир и созвал князей и бояр и всяких чинов людей с женами и детьми, а Еруслана взял за руку, повел к себе в палату, и посадил за стол возле себя, и сказал ему: «Государь Еруслан Лазаревич, буди воля твоя надо мною и над всем моим царством; казна моя тебе не затворена: бери себе злата и сребра и каменья драгоценного сколько тебе надобно, и бери в удел города и пригородки с красными селы; а буде изволишь жениться, я за тебя отдам дочь свою, прекрасную царевну Анастасию, и в приданое за нею возьми себе половину моего царства». Когда же стал Еруслан Лазаревич навеселе, сказал: «Государь царь Вохрамей, покажи мне дочь свою». Царь Вохрамей велел дочери своей надеть на себя драгоценное платье, и она так прекрасна стала, что и уму человеческому невозможно прекраснее вообразить. Вохрамей, взяв ее за руку, повел к Еруслану, и она подносит ему златую чару зелена

вина, а Еруслан вещает ей: «Здравствуй, моя прелюбезнейшая и всего света прекраснейшая царевна, на множество лет», — и поцеловал ее в сахарные уста. Царевна же Анастасия молвила ему: «Здрав буди, государь мой, прелюбезный и прехрабрый витязь Еруслан Лазаревич». Потом вышел он из палаты вон, и вошел к царю Вохрамею, и начал ему говорить: «Государь царь, угодна мне дочь твоя, прекрасная царевна, и хочу ее за себя взять». Царь Вохрамей повелел готовиться к венчанью немедленно, и почали с Ерусланом пить, есть и веселиться. Когда же Еруслан лег спать, то не мог заснуть во всю ночь, понеже юность его и сердце весьма разгорелось от красоты прекрасной царевны.

29

Поутру же повелел царь пир сотворить, и взял Еруслана за руку, и ему сказал: «Государь Еруслан Лазаревич, храбрый витязь, предаю тебе прелюбезнейшую свою дочь Анастасию в жены, люби ее и живи с нею в совете, чтоб мне видеть ваше любезное житие, а приданое тебе за нею — все мое царство, только обороняй оное от неприятелей». Потом сказал дочери своей: «Прелюбезная моя дочь, живи ты с мужем своим в любви и его почитай, понеже муж жене глава есть», — и повелел им к церкви идти венчаться. По венчании же пошли к царским палатам, и Еруслан взял обручницу за руку и повел к царю Вохрамею, богоданному своему тестю. Все князи, и бояра, и жены их, и красные девицы несли драгоценные дары, и царь Вохрамей встретил их и говорит: «Многолетное здравие государю моему князю Еруслану, прелюбезному сыну и зятю, со обручницею княгинею, а моею дочерью, прекрасною Анастасиею Вохрамеевною». Потом все князи и бояра возгласили: «Здрав буди, государь Еруслан Лазаревич, новообрученный князь с прекрасною своею царевною», — и поклонилися ему до земли.

И Еруслан Лазаревич с прекрасною Анастасиею и все князи и бояра начали пить, есть и веселиться, а после того Еруслан с прекрасною Анастасиею встали из-за стола и пошли в брачный покой, и все, бывшие тогда там, провожали их с великою честью и, поклонясь до земли, возвратились к царю Вохрамею на беседу. Еруслан же Лазаревич лег с царевною Анастасиею на ложе и начал ее любить, и целовать, и за белые груди хватать, а потом начал говорить: «Прелюбезная моя и всего света прекраснейшая царевна! Твоей ради красоты многие царствы я прошел и от многих дев слышал о твоей красоте, а ныне, друг мой, скажи мне правду: есть ли на сем свете тебя краше, а меня храбрее?» Царевна ему отвечала: «Друг мой, солнце светлое, и во всем свете храбрый витязь, нет на сем свете тебя краше и храбрее, а я что за красна и хороша. Есть в Девичьем царстве в Солнечном граде царевна Поликария, сама царством владеет, и такой прекрасной во всем свете нет».

30

Тогда Еруслан помыслил во уме своем о царевне Поликарии, и в один день встал поутру

рано и говорит супруге своей: «Прелюбезнейшая моя царевна, я поеду в некое урочище и в некий град; возьми ты у меня самоцветный камень, который взял я у чуда: ежели родишь сына, то ему в перстень вставь, ежели дочь, то за нею в приданое дай». И отдает он камень любезной супруге, а сам говорит: «Прости меня, прелюбезная царевна, когда буду жив — к тебе приеду, когда же смерть постигнет — ты меня поминай». И тут царевна горько восплакала и от великой, горести пала на землю, как мертвая; после же, пришед в себя и укрепясь от рыдания, рекла: «О прелюбезный мой друже, ты хочешь меня оставить и уехать в Девичье царство в Солнечный град к царевне Поликарии?» Еруслан ей ответствовал: «Предрагая моя Анастасия, ты ныне во чреве своем понесла, как же я могу тебя оставить?» Потом пошел он к царю Вохрамею и сказал ему, что хочет свидеться с отцом своим князем Лазарем Лазаревичем, и, простясь, поехал к Девичью царству, и ехал ровно девять месяцев. И прибыв к Солнечному граду, поехал на царской двор к царским палатам и слез с своего доброго коня, и царевна Поликария, увидя на своем дворе храброго прекрасного витязя, ужаснулась, что он, не спросясь, приехал на ее двор, и вышла к нему на двор, и стала говорить: «Государь храбрый витязь, откуда ты едешь и какого отца сын, и какая тебе до нашего града нужда?» Он же ей отвечал: «Я езжу от Картаусова царства, сын есмь князя Лазаря и матери княгини Епистимии, зовут меня Ерусланом, а приехал к тебе поклон отдать да видеть твою неизреченную красоту». Царевна Поликария возрадовалась весьма о его добром отечестве, и взяла его за белые руки, и повела в свои палаты, куда приведши, сказала: «Государь Еруслан Лазаревич, владей не токмо царством моим, но, буди воля твоя, и надо мною». Еруслан, смотря на ее беспримерную красоту, возмутился духом, и выигралась в нем юность его, и позабыл он свой отъезд от супруги своей, и забыл грех, и поругал свой венец, ибо взял царевну Поликарию за правую руку, и начал ее целовать в сахарные уста, и жить вместе с нею, и Царством ее владеть.

31

Царевна же Анастасия Вохрамеевна породила сына без него, и царь, отец ее, радости великой исполнился и нарек имя ему Еруслан, лицом румян, очи у него как полные чаши, а собою толст и весь подобен отцу своему Еруслану. И царь Вохрамей повелел пир великий изготовить для той радости. Когда же Еруслан, сын Еруслана Лазаревича, достиг до шестого года, начал он ходить на царской двор к дедушке своему царю Вохрамею, и начали его ребята дразнить: «Ты-де, Еруслан, не отеческий сын, у тебя отца нет».

Он того невзлюбил и за то их побивал: кого ухватит за голову — у того голова прочь, кого за руку — у того рука прочь, кого за ногу — у того нога прочь. Князи же и бояра не смеют бити челом царю, и пошел Еруслан Ерусланович в палату к матери своей, и начал ей говорить: «Государыня моя матушка! Скажи мне всю правду, есть ли у меня батюшка или нет?» Царевна Анастасия вздохнула горько и, прослезясь, отвечала: «Дитетко мое милое, есть у тебя батюшка — сильный и храбрый богатырь Еруслан Лазаревич, поехал

он к Девичью царству в Солнечный град».

32

Еруслан же Ерусланович стал сряжаться ехать к отцу своему, а Анастасия Вохрамеевна дала ему золотой перстень с самоцветным камнем. Еруслан Ерусланович начал седлать себе доброго коня и, простясь с дедом своим и с матерью, поехал искать отца своего. Когда же приехал к Девичью царству в Солнечный град на утренней заре, то в те поры Еруслан Лазаревич лежал на ложе, и слышал богатырский его глас, и сказал: «Слышу я, что приехал некий богатырь, который еще млад, пойду и убью его», — и велел скоро себе седлать коня и, сев на него, взял щит в руку, а копие под плечо, и выехал из града в чистое поле. Не два ясные сокола слетались — съезжались сильные богатыри: отец с сыном. И разъехался Еруслан Ерусланович, ударил отца своего копием глухим концом против сердца ретивого, мало из седла вон не вышиб. И сказал ему Еруслан Лазаревич: «Дитя молодое, не гораздо шутишь». Потом разъехался Еруслан Лазаревич, и ударил сына своего глухим концом против сердца, и вышиб его из седла вон, а конь Орош Вещий наступил на доспешное его ожерелье и притиснул его к земле ногою. Еруслан Лазаревич оборачивает свое копьё острым концом и хочет его злой смерти предать, а Еруслан Ерусланович ухватил копьё правою рукою, и блеснул на руке золотой перстень и самоцветный камень, и увидев Еруслан Лазаревич в перстне самоцветный камень, начал его спрашивать: «Чей ты таков, и откуда едешь, и какого отца и матери сын, и как тебя по имени зовут?» Ответствовал он: «Я ездю от града Дерби Вохрамеева царства, а отец у меня был Еруслан Лазаревич, а мать царица Анастасия Вохрамеевна; но я отца своего в лицо не знаю: поехал он от матушки к Девичью царству в Солнечный град, а меня зовут Ерусланом». Тогда Еруслан Лазаревич слезит со своего доброго коня, и подымает сына своего за руку правую, и целует его во уста сахарные, прижимает его к сердцу ретивому и называет его милым сыном своим, и сели на свои добрые кони, и поехали к Дербию граду.

33

Когда приехали в Вохрамеево царство, застали во граде плач и сетование великое, ибо преставился тут царь Вохрамей; однако же градские люди их узнали, и все им поклонились, и рекли Еруслану Лазаревичу: «Здравствуй, государь наш Еруслан Лазаревич с сыном своим Ерусланом. Отказал тебе царь Вохрамей порфиру свою и царство». Потом вышла навстречу царица Анастасия Вохрамеевна и, падши со слезами на землю, вещала: «О солнце мое красное! Откуда взошло и меня обогрело и осветило, откуда месяц взошел, откуда заря воссияла?» И взяла его за белые руки, и повела в палату царскую, и целовала во уста сахарные, и прижимала к сердцу ретивому, и все князи и бояры и люди градские ему поклонились и приносили богатые дары с честью великою. Еруслан же Лазаревич сел на царском месте, и принял царский жезл, и надел на себя порфиру царскую и венец золотой, а сыну своему Еруслану Еруслановичу наказывает: «Дитетко мое милое, поезжай ты в чистое поле гулять, возьми ты себе доброго коня и сбрую конскую и богатырскую, и надень на себя, и возьми меч-кладенец и копие долгомерное, и сядь на коне своем крепко, и буди в чистом поле силен и славен, как я был.

Ты наехал на меня и ударил копием против сердца, мало меня из седла вышиб вон, иного бы так ударил, что и жив бы не был; поезжай ты к царству Данилы Белого, к Царю Картаусу, и к деду своему князю Лазарю Лазаревичу, и к названному мне брату князю Ивану Русскому богатырю, он ныне царствует в царстве Феодула царя Змия, и к названному ж брату моему, сильному и славному богатырю Расланею, который ныне царствует в царстве Вольного царя, Огненного Щита, Пламенного Копия, и, проведав о их здравии, приезжай ко мне; в пути же будь смирен, и честен, и славен». И так Еруслан Ерусланович, приняв от отца своего и матери благословение, поехал в путь свой и, объездя всех, через пять лет возвращается ко отцу своему, и, встретивши его на дороге, мал человек пути не дает. Он же, спросив его: «Что ты, мал человек, на дороге стоишь, пути мне не даешь?» — хочет его раздавить, а мал стар человек, узнав во уме своем, что раздавить его хочет, сказал ему: «Бедный богатырь, ты меня хочешь убить, старого человека: малого некого убить, и с меня старого нечего снять». Еруслану то слово не понравилось, и взял меч-кладенец, и хочет старого до смерти убить, и кинулся к нему скоро, а старый приклонился и дунул единым духом на Еруслана так, что он не усидел на своем коне и пал на сыру землю, что овсяной сноп. И старый, подхватив его на руки, сказал: «Бедный богатырь, смерти ли хочешь или живота?» Еруслан весьма испужался и от страха старому не смеет ничего молвить. Старой же положил его на сыру землю, а сам возговорил таково слово: «Не может мне никто противиться: ни царь, ни богатырь, и никакой человек; да ты не того царя сын, что царствует в Вохрамееве царстве?» Отвечал Еруслан Ерусланович, что точно того и что ездил к дядям. Тут сказал стар человек: «Поезжай же за мною, не похваляйся в царстве твоём», — и, молвив сие слово, невидим стал.

34

Еруслан Ерусланович приехал ко отцу своему и матери, и они встречают его с князи и бояры и бьют челом, и принимает его Еруслан Лазаревич за белые руки и целует во уста сахарные, и повели его в палаты белокаменные, и сажает за столы дубовые, за скатерти браные, и сотворили пир. И начал Еруслан Лазаревич сына своего спрашивать: «Ты ездил к деду своему князю Лазарю Лазаревичу, скажи мне о здравии их?» Он же дал отцу своему от Картауса царя письмо такое: «От царя Картауса великому царю и славному богатырю Еруслану Лазаревичу честное великое челобитье, и буди здрав на многие лета с супругою своею Анастасиею Вохрамеевною, и с сыном своим Ерусланом Еруслановичем, и с князи и бояры, и со всеми православными. Царствую я в своем царстве о Христе и здрав по сие время». На той же грамоте писано от князя Лазаря Лазаревича тако: «Сыну моему Еруслану Лазаревичу, и снохе моей Анастасии Вохрамеевне, и внуку моему Еруслану Еруслановичу, и всему царству твоему мир и благословение. Царствуй о Христе и буди счастлив отныне на многи лета».

35

Еруслан Лазаревич рад был весьма сему и сказал сыну своему: «Был ли ты у брата моего названного, князя Ивана Русского богатыря?» Еруслан Ерусланович дал письмо отцу своему, в коем пишет: «От меньшого брата князя Ивана Русского богатыря, великому в царях царю и в богатырях богатырю, большому моему брату Еруслану Лазаревичу великое челобитье. Здравствуй, государь, на многие лета с супругою своею Анастасиею Вохрамеевною, и с сыном своим сильным богатырем Ерусланом, и со всеми православными и буди здрав вовеки.

А как, государь, ехал сын твой в мое царство, и я в те поры с бою ехал по чистому полю и сына твоего Еруслана не знал, а чаял, что он хочет царство мое пленить; и я кинулся к нему с булатным мечом и хотел ему голову срубить. Он же взял копие свое долгомерное, и ударил против сердца моего ретивого глухим концом, и мало меня из седла не вышиб, и потом сказал мне про себя: „Я-де сын Еруслана Лазаревича“. И сие я услышав, простил его, а ту рану, которую он мне сделал, по сие время не мог излечить».

36

Еруслан Ерусланович дал отцу еще грамоту от Расланея-богатыря, в коей пишет тако: «От великого царя Расланея Прохоровича меньшому моему брату, великому царю и сильному богатырю Еруслану Лазаревичу, великое челобитье с поклоном. Здравствуй, государь, в своем царстве, и с супругою своею Анастасиею Вохрамеевною, и с сыном своим сильным богатырем Ерусланом Еруслановичем. Когда сын твой приехал ко мне в царство, меня изувечил: голову мне прошиб мечом тупым концом, и я по сие время излечить раны не могу, и я его в том простил и отпустил к тебе в целости для тебя. А если б он не сказал, что сын твой, то я бы его убил до смерти за такое преступление». Тут Еруслан Ерусланович рассказал отцу своему все порядком. Потом начал сказывать о старике и говорил так: «Государь батюшка, когда я поехал назад до своего царства чистым полем, то встречу мне попался на дороге мал человек, собою уже стар и сединами украшен, и стал посреди дороги, и пути мне не дает. Я хотел его до смерти убить за то, что он ехать мне не давал, а он на меня дунул единым духом так сильно, что я не усидел на своем добром коне и пал на сыру землю. Он хотел меня убить до смерти и стал спрашивать меня, откуда я еду; я ему сказал, что от Вохрамеева царства от града Дерби, и сын царя Еруслана Лазаревича. Он мне на то сказал таково слово: «Не моги ты, младый человек, в своем царстве мною хвалиться». Так отвечал Еруслан Лазаревич сыну своему: «Не моги ты хвалиться про него на пиру, что он хотел тебя убить».

37

И в те поры у них пошел пир на веселе и на великой радости, что Бог принес Еруслана Еруслановича здрава. Еруслан начал сына своего похвалять и величать о храбрости его богатырской: и как он устрашивал царей и побивал богатырей, и как его хотел было с молоду, не знаючи его, убить, когда ему было пять лет от роду. Тут все князи и бояре и

люди градские подивовались про его сильное и храброе богатырство, что Бог дал Еруслану Лазаревичу сына такого ж сильного и славного богатыря, каков он и сам млад был, и что таких сильных и храбрых богатырей и на свете нет, некому против их стоять и биться. Расланей-богатырь, каков велик и силен ни был, однако Еруслан Ерусланович и того хотел убить своею храбростию.

38

Тогда Еруслан Лазаревич много городов под свою державу взял, а иные, слыша о его великой храбрости и силе, добровольно их ему отдавали, и тако в добром здравии пребывал, и сидел на царстве Еруслан Лазаревич двадцать лет, а всех от роду ему было сорок девять лет и три месяца. Наконец Еруслан Лазаревич умре, и супруга его Анастасия Вохрамеевна по супружнике своем беспрестанно плакала и в кручине пребывала, и с той кручины и печали и она умре, а сын их Еруслан Ерусланович по отце своем, сильном и славном богатыре Еруслане Лазаревиче, плакал многое время, тако ж и по матери своей. И после смерти родителей своих по немногом времени сел на царство отца своего и царствовал со славою.